

Многоязычное языковое сообщество: русскоязычные иммигранты Финляндии

Tatjana Rynkänen

Centre For Applied Language Studies, University of Jyväskylä, Finland

tatjana.rynkanen@jyu.fi

Abstract. Multilingual Speech Community: Russian-Speaking Immigrants in Finland

This article examines the multilingualism of a new generation of Russian-speaking immigrants in Finland. The main focus in the article is on immigrants' use of and competency in Finnish and Russian, as well as the meaning of these languages for persons immigrating at different stages in their lives. The article also describes how these immigrants view their linguistic situation and possibilities for maintaining and developing different languages. Finally, conclusions will be drawn about the possibilities for, and constraints on, the multilingualism of speakers of Russian in Finnish society. This article is based on two studies: a longitudinal case-study on young Russian-speaking immigrants, and a study of working-age Russian-speaking migrants within the project "Transforming Professional Integration" (ISIS). The data consist of thematic interviews with Russian-speaking migrants living in Finland. Principles of qualitative content analysis were applied in analyzing the data.

1. Введение

В центре внимания данной статьи находятся вопросы многоязычия. Наш подход к рассмотрению многоязычия основывается на социолингвистических исследованиях последних лет (см., напр., Pavlenko 2002; Heller 2006; Blommaert 2007; Blackledge & Creese 2010), согласно которым в настоящее время большинство людей не только дву- и многоязычны, но и являются членами многочисленных этнических, социальных и культурных сообществ. Данными исследованиями также принимается во внимание комплексный и динамичный характер современной действительности, изменения, происходящие в различных культурах, и их постоянное взаимовлияние. Современная действительность, отличительной особенностью которой является социальный контекст, в частности, расизм и

дискриминация, доступ к лингвистическим ресурсам, таким как образовательные учреждения, рабочие места, программы и ресурсы, разработанные специально для иммигрантов или людей, изучающих и использующих второй язык, обуславливают позитивные или негативные условия для формирования многоязычия. В контексте иммиграции в понимании роли социального контекста следует также принимать во внимание аспект власти и доминирования во взаимодействии группы большинства и меньшинства. Вопросы овладения языком, его изучения, формирования дву- и многоязычия становятся частью более широких общественных процессов и идеологий, на которые могут оказывать влияние предубеждения, расизм, дискриминация и притеснения.

Данная статья основывается на материалах двух исследований: качественного лонгитюдного исследования о русскоязычных молодых иммигрантах (Rynkänen 2011) и иммигрантах трудоспособного возраста в рамках проекта «Интеграция в трудовую жизнь Финляндии» (ISIS), финансируемого Академией наук Финляндии (2011–2014). Материал исследования состоит из тематических интервью с русскоязычными иммигрантами, живущими в Финляндии. Таким образом, многоязычие рассматривается нами с точки зрения индивида, русскоязычного иммигранта, поэтому в центре внимания находятся его взгляды, мысли и чувства относительно овладения языком и формирования многоязычия в условиях иммиграции. Основное внимание в статье уделяется следующим вопросам: Какие языки, и с какой целью используются русскоязычными иммигрантами Финляндии? Как русскоязычные иммигранты оценивают своё владение различными языками? Какую роль в их жизни играют эти языки? Нами также будет рассмотрено, как иммигранты представляют свою языковую ситуацию и возможности сохранения и развития различных языков. В заключение будут сделаны выводы относительно особенностей многоязычия у носителей русского языка в Финляндии. В статье используется термин «многоязычие» как включающий в себя «двуязычие», но и одновременно показывающий, что в языковом окружении и употреблении как индивида, так и сообщества всегда используются многочисленные языки и формы языков (см., напр., Dufva & Pietikäinen 2009).

1.1 Русскоязычное население Финляндии

Отличительной особенностью иммиграции Финляндии является бóльшая численность русскоязычных по сравнению с другими языковыми и культурными группами. В конце 2012 г. в стране проживало почти 63 тыс. человек, отметивших своим родным языком русский (Tilastokeskus 2013). Ожидается также, что в 2020 г. численность русскоязычного населения возрастёт до 100 тыс. человек. Русскоязычное население, однако, проживает на территории Финляндии уже более трехсот лет. Применительно к русскоязычным эмигрантам, оказавшимся в

стране до Второй мировой войны, в Финляндии часто употребляется термин «старые русские» для разграничения с так называемыми «новыми русскими», эмигрировавшими из Советского Союза начиная с 1960-х гг. (см., напр., Pentikäinen & Hiltunen 1997). Таким образом, русскоязычные Финляндии представляют собой гетерогенную группу: к ней относятся иммигрировавшие в разные исторические периоды этнические русские, ингерманландские репатрианты и представители других национальностей бывшего СССР. Всех их, тем не менее, связывает между собой русский язык (Baschmakoff & Leinonen 2001; Lähteenmäki & Vanhala-Aniszewski 2010; Rynkänen & Pöyhönen 2010). Часть говорящих на русском языке проживает в стране уже на протяжении многих поколений, тогда как многие другие иммигрировали недавно, и еще только ищут свое место в финском обществе. Долгое время русскоязычное население Финляндии считалось «безмолвным», или «незамеченным» меньшинством (Horn 1997), которое стало предметом широких дискуссий только в начале 1990-х годов вследствие возросшей иммиграции из России и бывшего СССР.

Русскоязычные, также как и другие иммигранты Финляндии, сталкиваются с трудностями, обусловленными процессом интеграции, в том числе с изучением языка принимающего общества, трудоустройством, подтверждением дипломов об образовании, и вообще с адаптацией к новым условиям жизни. В частности, отмечается, что русскоязычные являются высокообразованными по сравнению с представителями других групп иммигрантов (см., напр., Liebkind et al. 2004; VTS 2010). Доля среднего специального образования у них больше, чем в среднем по Финляндии, и высшее образование имеется более чем у третьей части русскоязычных. Вместе с тем в иммиграции наблюдается снижение профессионального статуса у большинства из них вследствие смены профессии. Являясь самой большой группой иммигрантов и обладая существенным языковым, культурным и профессиональным капиталом, русскоязычные представляют значительный ресурс для страны. Он может быть использован также в сферах деятельности, требующих компетенции в вопросах, касающихся России, и владения русским языком (Mustajoki 2007; VN 2009). Положительным можно считать тот факт, что владение русским языком имеет спрос на рабочих местах в Финляндии. В частности, в соответствии с выяснением Центрального союза деловой жизни Финляндии (ЕК 2010), русский язык занимает третье место после английского и шведского языков относительно потребностей в нём в различных областях деятельности.

Вследствие исторических, культурных и политических причин вопросы русскоязычного меньшинства не являются однозначными и вызывают полемику в различных кругах финского общества. Исследованиями, рассматривающими позицию коренного населения к различным этническим группам, выявлено негативное отношение и предубеждения относительно русскоязычных (Jaakkola

2005; 2009; Pitkänen 2007). В частности, указывается, что русскоязычные дети и молодёжь испытывают трудности вследствие своего этнического происхождения (см., напр., Jasinskaja-Lahti 2000; Keskiälo 2001; 2003; Rynkänen 2008; 2011; Tantt 2009). Отмечается также существование реальной угрозы обособления русскоязычных в свою этническую группу (см., напр., Liebkind et al. 2004; Reuter & Jaakkola 2005; Perhoniemi & Jasinskaja-Lahti 2006; Tantt 2009).

В связи с вышесказанным можно утверждать, что русскоязычные иммигранты и их ситуация представляют собой интересный объект исследования. Следует также отметить, что за последние 10-15 лет наблюдается явное увеличение интереса к ситуации русскоязычных как в Финляндии, так и во всём мире. В Финляндии т.н. «старые русские» являлись в основном объектом исторических и культурологических исследований (см., напр., Baschmakoff & Leinonen 2001; Shenshin 2008). В свою очередь, «новые русские» рассматривались главным образом с точки зрения социологических, социально-психологических и культурологических наук в контексте иммиграции (см., напр., Jasinskaja-Lahti 2000; Liebkind et al. 2004; Jaakkola & Reuter 2007; Jaakkola 2009; Davydova 2009; Mammon 2010). Русскоязычные иммигранты и их интеграция в финское общество являлись также темой статистических отчётов и различных выяснений, проведенных по просьбам официальных властей (см., напр., Pohjanpää et al. 2003; Paananen 2005; Tantt 2009; VTS 2010). Русскоязычные обычно рассматривались в них в ряду других групп иммигрантов. В области педагогики и прикладной лингвистики также появился ряд научных публикаций на тему языковой идентичности, изучения языка и адаптации детей- и подростков-иммигрантов к финской учебной среде (см., напр., Iskanius 2006; Protassova 2008; Rynkänen 2008; 2011).

2. Русскоязычные иммигранты Финляндии как объект исследования

Данная статья основывается на материалах двух исследований: качественного лонгитюдного исследования о русскоязычных молодых иммигрантах (Rynkänen 2008; 2011) и иммигрантах трудоспособного возраста в рамках проекта «Интеграция в трудовую жизнь Финляндии» (ISIS), финансируемого Академией наук Финляндии (2011–2014). Целью лонгитюдного исследования (2002-2008) являлось выяснить прохождение процесса интеграции в финское общество русскоязычными молодыми иммигрантами в контексте обучения и овладения языком. Его целевая группа состояла из 16 семей русскоязычных иммигрантов, проживающих в Центральной Финляндии. Большая часть из них иммигрировала в 2000–2002 гг. из России или других регионов бывшего СССР. Это исследование основывалось на стратегиях качественного метода, и его основной материал состоял из полуструктурированных тематических интервью с русскоязычными ро-

дителями и их детьми. Таким образом, жизнь русскоязычных семей наблюдалась нами в течение шести лет. Родители (всего 18) интервьюировались в 2002 и 2005 гг., и их дети (всего 15) – в 2008 г. Во время проведения интервью по своему возрастному составу молодые иммигранты являлись 14–23-летними. Двое успели основать свою семью и имели одного ребёнка. Большинство из них училось. Наряду с интервью в качестве материала исследования использовались официальные документы: законы и постановления, определяющие иммиграционную политику Финляндии, а также законодательства, касающиеся вопросов образования и обучения молодых иммигрантов. При анализе тематических интервью применялся метод контент-анализа.

Цель исследования, проведённого в рамках проекта «Интеграция в трудовую жизнь Финляндии» (ISIS), состояла в выяснении того, какую роль играет владение языком, многоязычная и многокультурная практика, идентичность в процессе интеграции иммигрантов работоспособного возраста в профессиональные сообщества и трудовые коллективы Финляндии. В ходе исследования опрашивались различные группы иммигрантов: в том числе, люди творческих профессий, специалисты в области информационных технологий, учителя, люди, проходящие интеграционное обучение. Исследовательский проект ISIS основывался на многометодных стратегиях, и его материал состоял из тематических интервью, включенных наблюдений, письменных и визуальных документов, медиаматериалов, а также статистических данных. Исследование, в центре внимания которого находились русскоязычные иммигранты, состоит из 37 тематических интервью, проведённых в 2011–2012 гг. В целевую группу вошло 22 женщины и 15 мужчин, иммигрировавших в 1985–1990, 2000–2011 гг. и проживающих в Центральной Финляндии. По своему возрастному составу участники являлись 22–63-летними. Их уровень образования был довольно высок: большая часть имела высшее, небольшая часть – среднее специальное образование.

Участники обоих исследований – это иммигранты первого поколения, родившиеся в России или других регионах бывшего СССР. Родным языком большинства из них являлся русский. Это был также язык домашнего общения у большинства респондентов.

Исследования, рассматривающие вопросы иммиграции, обращают внимание на важность возрастных особенностей и их влияние на последующую интеграцию индивида в общество принимающей страны (см., напр., Suárez-Orozco & Suárez-Orozco 2001; Alitolppa-Niitamo 2004; Crul 2007; Rumbaut 2007). В частности, отмечается, что возраст начала иммиграции существенно влияет на выбор иммигрантом стратегий аккультурации. Это наглядно прослеживается, к примеру, в овладении иммигрантами языком принимающей страны, их академических достижениях и социальной мобильности, развитии кругозора и компетенции, формировании этнической идентичности и даже в их пристрастии к поддержа-

нию транснациональных связей. Возраст начала иммиграции принимается во внимание американским социологом Р. Румбо (Rumbaut 2007:349) при определении поколений иммиграции. Им учитываются такие критерии как страна рождения, страна проживания, родители, возраст иммиграции и период жизни. Согласно Румбо, к первому поколению относятся иммигранты, родившиеся в стране убытия. В свою очередь, родившиеся в принимающей стране, причисляются им ко второму поколению и разделяются на две группы в соответствии с тем, являются ли иммигрантами оба их родителя или же один.

К первому поколению иммиграции Румбо (*ibid.*:349) относит семь возрастных групп. Иммигрирующие в 18-24-летнем возрасте – это обычно студенты, начинающие свою трудовую деятельность или планирующие создать семью. Лица, достигшие 25-34-летнего возраста, иммигрируют, как правило, имея образование, в начале своей профессиональной карьеры, готовые к созданию семьи и рождению детей. В свою очередь, люди среднего возраста, 35-54-летние, уже успели получить трудовой опыт, обычно имеют детей. Нередко желание иммигрировать они объясняют поисками новых возможностей для своих детей. Люди старшего возраста (55 лет и старше) уже завершают свою профессиональную карьеру, и в иммиграцию следуют обычно за своими детьми. Они не всегда готовы к изучению нового языка или аккультурации.

Среди относящихся к первому поколению детей- и молодёжи-иммигрантов, не достигших 18-летнего возраста, Р. Румбо (*ibid.*:349) выделяет три группы. Иммигрировавших в раннем детстве (0-5 лет) он относит к т.н. *поколению 1,75*. Их можно сравнивать с родившимся в стране пребывания вторым поколением иммигрантов. Это дети дошкольного возраста, плохо помнящие страну происхождения, не успевшие овладеть начальными навыками грамотности. Они, как правило, быстро овладевают языком страны пребывания и проходят социализацию в условиях нового общества. Иммигрировавшие в младшем школьном возрасте (6-12 лет) относятся к т.н. *поколению 1,5*. Они получили начальные навыки грамотности на родном языке, научились читать и писать в стране происхождения, но завершают своё образование в новой стране пребывания. Иммигрировавшие в подростковом (юношеском) возрасте (13-17 лет) причисляются Румбо к т.н. *поколению 1,25*. Их опыт и результаты адаптации следует сравнивать со взрослыми иммигрантами первого поколения. В иммиграции они продолжают своё обучение в общеобразовательной школе или начинают трудовую деятельность.

Такой классификацией Румбо стремится показать решающее значение возраста и периода жизни в адаптационном процессе особенно детей- и молодёжи-иммигрантов. Нами разделяется точка зрения Р. Румбо, согласно которой представители каждой возрастной группы, начиная свой адаптационный процесс в ином социальном контексте, будут иметь различные отправные точки. В частно-

сти, интервью с участниками вышеописанных исследований показали, что многоязычие русскоязычных иммигрантов, переехавших в Финляндию в разные периоды жизни, имеет свои особенности. В целях сохранения анонимности вся информация об участниках исследования даётся только с указанием вымышленного имени и года проведения интервью.

3. Особенности многоязычия русскоязычных иммигрантов

3.1 Иммигрировавшие в дошкольном возрасте: поколение 1,75

Результаты исследования показали, что в языковом окружении и употреблении молодежи, иммигрировавшей в дошкольном возрасте, преобладает финский язык. Главным образом за финским языком были закреплены в их жизни такие домены, как учёба, общение с друзьями в школе и в свободное время, чтение газет и журналов, художественной литературы, медиа и Интернет. Представителями данной возрастной группы также отмечалось использование финского языка в кругу семьи. В общении в учебном заведении, просмотре телевизионных программ и пользовании Интернетом наряду с финским применялся также английский язык. Ситуацию, характерную для большинства представителей данной группы, описывает пример Максима:

Родной язык сейчас финский, сильный, также дома говорим каждый день по-русски, это тоже довольно сильный язык. Из всех выученных в школе английский, наверное, лучший язык. Он, наверное, значительно лучше русского языка, он действительно много используется в повседневной жизни, телевизор, реклама и всё другое. Так что русский, финский, английский, немецкий, шведский языки, также когда-то давно ребёнком я говорил по-украински, но забыл его. (Максим 2008) [перевод с финского Т.Р.]

Доминирование финского языка в повседневной жизни этих молодых иммигрантов, а также их стремление находиться в финской языковой среде объяснялось хорошими умениями в этом языке. По собственной оценке, все представители данного поколения владели финским языком лучше всего, и в связи с этим находили для себя удобным и естественным использовать именно его. Некоторые из них также определяли финский язык своим родным языком. Наряду с этим следует отметить роль социального контекста. В частности, круг друзей иммигрировавших в дошкольном возрасте состоял преимущественно из сверстников, представляющих коренное население, общение с которыми происходило на финском языке.

В свою очередь, сфера использования русского языка являлась у иммигрировавших в дошкольном возрасте довольно узкой: он употреблялся главным образом в кругу семьи, при общении с родителями, бабушками и дедушками. В редких случаях он применялся также при просмотре телевизионных программ и ис-

пользовании Интернета. Контакты с носителями русского языка в ситуациях социального общения у молодёжи данной возрастной группы являлись немногочисленными. Уровень владения русским языком этих молодых иммигрантов находился был связан с имеющимися у них возможностями его институционального изучения. По собственной оценке, многие владели только элементарными навыками грамотности в этом языке. Лучше всего, по мнению большинства, у них были развиты навыки понимания устной речи. Кроме того, иммигрировавшие в дошкольном возрасте часто не стремились к развитию умений в русском языке, не имея мотивации и не видя возможностей для этого в Финляндии. Следующие примеры содержат оценку владения русским языком, сделанную самими участниками исследования:

Я каким-то образом умею читать, но я читаю очень медленно, пишу, но делаю много ошибок, и словарный запас примерно на уровне семилетнего ребёнка, культурной лексики и другого я не очень хорошо знаю. (Олег 2008) [перевод с финского Т.Р.]

По-моему, очень плохо [владею русским языком]. Что-то я умею, [--] с мамой могу разговаривать, со всеми другими. Но [--] писать и читать я не умею совсем. И есть некоторые такие трудные слова, которые я не могу сказать и не понимаю. (Лариса 2008) [перевод с финского Т.Р.]

Несмотря на то, что в порядке языковой преференции это поколение первое место обычно отводило финскому языку, все-таки русский (украинский) язык играл особую роль в жизни этих молодых людей. В частности, наряду с другими языками он воспринимался ими как одна из возможностей в получении рабочего места. Кроме того, их эмоциональные установки по отношению к русскому языку оставались высокими, он также символизировал для них родственные связи, являясь языком, на котором говорят близкие им люди:

[Значение русского языка] «не могу сказать, большое, потому что я всё-таки не так много говорю, но всё-таки я родилась там, и мои родственники говорят по-русски, вот бабушка и дедушка. И это тоже очень [--] важно, потому что [--] у меня [--] нету [--] в Финляндии родственников, и [--] с ними хочу общаться [--] и с мамой, потому что ей легче по-русски говорить, чем по-фински. [--] я думаю, что если [--] я умею русский язык, [--] может, [--] легче получить работу. (Катя 2008)

Он [русский язык] дорог мне, потому что мама русская, с ней # имеешь дело, так его надо знать. (Лариса 2008) [перевод с финского Т.Р.]

Изменение жизненной ситуации молодых иммигрантов, к примеру, получение рабочего места, связанного с русским языком, могло приводить к заинтересованности в его дальнейшем изучении и развитии:

[--] сейчас начал посещать курсы русского языка. Нужно пытаться учить его, потому что получилось так, что моя дипломная работа [--] касается [--] выяснения на территории России. Тогда нужно связываться с российскими предприятиями и пытаться договариваться с ними [--]

]. И для этого нужно действительно владение русским языком, иначе не получится. (Олег 2008) [перевод с финского Т.Р.]

Представители данной группы считали себя многоязычными или двуязычными людьми, и различные языки в той или иной степени применялись ими в различных доменах их жизни. Вместе с тем, результаты исследования дают основания полагать, что овладение вторым (финским) языком происходило у них главным образом за счёт уменьшения использования первого (русского/ украинского) языка и сопровождалось как остановкой в его развитии, так и постепенной утратой.

3.2 Иммигрировавшие в младшем школьном возрасте: поколение 1,5

В языковом окружении и употреблении русскоязычной молодёжи, иммигрировавшей в младшем школьном возрасте, выделялись русский, финский и английский языки. Языком домашнего общения у всех представителей этой группы являлся русский язык. Наряду с ним в двух семьях применялся также и финский язык. В общении в учебном заведении и в свободное время, при чтении художественной литературы, газет и журналов, использовании Интернета всеми употреблялся как финский, так и русский язык, дополняемый в отдельных случаях английским языком. Финский язык предпочитался молодыми иммигрантами при просмотре телевизионных программ. Тем не менее, некоторые из них также использовали для этого наряду с ним русский и английский языки. Круг друзей и знакомых молодёжи, иммигрировавшей в младшем школьном возрасте, состоял из русскоязычных сверстников, представителей коренного населения, а также иммигрантов других этнических групп. Это создавало им благоприятные возможности для использования различных языков в повседневной жизни, открывая доступ к разнообразным лингвистическим ресурсам.

Постепенное расширение сферы использования финского языка в обучении и повседневной жизни, а также контактов с его носителями оказывали влияние на уровень владения этим языком. По собственной оценке, все представители данной группы владели финским языком хорошо. Наряду с этим значение финского языка в их жизни возрастало, а его использование становилось естественным и легким. Всеми признавалась важность финского языка в повседневной жизни, трудоустройстве, взаимодействии с коренным населением. В нижеприведённом примере Вероника описывает своё отношение к двум языкам таким образом:

Сейчас, я думаю, что русский [--] как-то более родной, но финский, он уже становится ближе, и даже бывает объясняться на финском, потому что целый день на финском говорю. (Вероника 2008)

Вместе с тем, эмоциональные установки молодых иммигрантов по отношению к русскому языку оставались высокими. Все определяли его родным языком, владение им считали важным, в нём видели также преимущества в получении рабочего места. Возможности изучать и развивать русский язык различались у представителей данной группы. Участники исследования, оценившие свои умения в русском языке как хорошие, изучали его в школе или кружке, под руководством учителя-носителя языка. Уровень владения русским языком также находился у них в связи с его активным использованием. Тем не менее, частота обращения к нему и сфера его употребления у многих иммигрировавших в младшем школьном возрасте постепенно уменьшалась, уступая место финскому и английскому языкам. В частности, большинство отметило лучшее владение финским языком по сравнению с русским. Следующие примеры показывают, как участники исследования оценивали своё владение русским языком:

Нормально, не хорошо, нормально. [--] Я забываю слова некоторые, и поэтому мне надо их сказать на финском языке. И ещё неправильное произношение, наверное, сейчас пошло у меня. (Илья 2008)

Не очень хорошее, [--] я забыла очень много слов. [--] иногда я боюсь разговаривать по-русски, [--] с русскими... по-моему, уже не совсем стопроцентное, акцент финский... (Мила 2008) [перевод с финского Т.Р.]

Результаты исследования дают основания полагать, что иммигрировавшие в младшем школьном возрасте обладали способностью одновременного и более гибкого использования имеющихся языковых ресурсов в своих интересах и целях по сравнению с иммигрировавшими в дошкольном возрасте. Наряду с этим как финский, так и русский языки воспринимались ими как существенный потенциал в получении будущей профессии и социальной мобильности в новом обществе.

3.3 Иммигрировавшие в подростковом возрасте: поколение 1,25

Особенностью многоязычия русскоязычной молодёжи, иммигрировавшей в подростковом возрасте, являлось доминирование русского языка. Он был языком семейного общения всех представителей данной группы. На нём говорили с близкими родственниками, супругами и своими детьми. В свободное время в общении с друзьями и знакомыми предпочтение также отдавалось русскому языку. Наряду с ним, тем не менее, использовались финский и английский языки. В учебном заведении основным средством общения молодых иммигрантов являлся финский язык, на рабочем месте его дополняли английский и русский языки. Доминирование русского языка прослеживалось также в просмотре телевизионных программ, чтении художественной литературы и использовании Ин-

тернета. В меньшей степени для этого молодые люди обращались к финскому или английскому языкам. В свою очередь, для чтения газет и журналов ими применялись как русский и финский, так и в отдельных случаях английский языки.

Отношение к русскому языку характеризовалось у многих представителей этого поколения высокими эмоциональными установками. Он воспринимался как особенно близкий из всех используемых языков. Все определяли его родным языком, и были заинтересованы в том, чтобы передать его своим детям. Русский язык рассматривался не только как относящийся к частной жизни и семейным отношениям, но и вообще к русской культуре.

Сфера использования русского языка у большинства представителей данной возрастной группы оставалась в иммиграции широкой, у них также имелась возможность постоянно контактировать с его носителями. В частности, система социальных связей этих молодых иммигрантов, их близкие друзья, любимый человек или супруг были представлены главным образом членами традиционной этнической группы. По мнению молодых иммигрантов, это нередко влияло на их мотивацию использовать другие языки и искать контакты с их носителями:

[вред от русского языка] то, что я его чересчур, несравнимо больше, чем другие языки использую, те слабеют из-за того, что у меня есть возможность говорить постоянно на русском. У меня нет такого, что у меня есть необходимость постоянно [--] искать общество с носителями других языков. (Лиза 2008)

Частью иммигрировавших в подростковом возрасте владение финским языком связывалось главным образом с практическими мотивами. Он был необходим для жизни в Финляндии, обеспечивал социальную мобильность в новом обществе, открывал благоприятные возможности для учебной и профессиональной деятельности, решения практических вопросов, коммуникации с представителями коренного населения:

[--] мне кажется, что люди, владеющие финским языком и живущие в Финляндии, [--] везде смогут и работу себе хорошую найти и выучиться, [--] и везде сходить, и везде объясниться, то есть это жизненно необходимая вещь, по моему мнению... (Инна 2008)

[--] большое значение, потому что учусь на нём, и работать нужно будет с финским языком. [--] и вообще я рада, что есть у меня второй язык. Я думаю, от этого будет польза большая, и уже есть, наверное. (Юлия 2008)

Интересным, на наш взгляд, является то, что молодые иммигранты, имеющие положительные установки в отношении финского языка и воспринимающие его как важный язык, считали себя двуязычными. Тогда как имеющие низкие эмоциональные установки или вообще не испытывающие никаких чувств по отношению к финскому языку, считали себя русскоязычными.

3.4 Иммигрировавшие во взрослом возрасте: поколение 1

Языковая ситуация взрослых иммигрантов различалась в зависимости от того, в какой период жизни они иммигрировали в Финляндию: юношеском, зрелом или преклонном возрасте (см. подробнее гл. 2). Наряду с этим, важным фактором являлись причины иммиграции. Участники исследования, основанием для переезда которых послужили работа или учёба, как правило, были уже дву- или многоязычными людьми, использующими в своей повседневной и профессиональной жизни различные языковые ресурсы. Таким образом, в языковом окружении и употреблении большинства взрослых иммигрантов выделялись русский (украинский), английский и финский языки. Языком домашнего общения у представителей данной группы по преимуществу являлся русский язык. В смешанных семьях наряду с русским использовался также финский или английский языки. Русский язык доминировал в неформальном общении: социальные связи представителей данной группы состояли главным образом из членов традиционной этнической группы. Наряду с этим за русским языком у большинства информантов были закреплены такие домены, как чтение художественной литературы, газет и журналов, просмотр телевизионных программ, использование Интернета. Иногда его дополняли английский, реже финский языки. В отдельных случаях русский язык использовался иммигрантами также на рабочих местах.

Уровень владения финским языком у представителей данной возрастной группы варьировался. В связи с этим английский язык часто обеспечивал им социальную мобильность в финском обществе. Он использовался в обучении, профессиональной деятельности и повседневной жизни. Этому нередко способствовало то, что использование английского языка в качестве рабочего в некоторых сферах деятельности в Финляндии является необходимостью. Специалисты, приехавшие в Финляндию на работу, необязательно владеют финским (или шведским) языком. Вместе с тем они имеют нужное образование и обладают такими умениями, которые требуются и ценятся на рынке труда Финляндии. В связи с этим, у них не возникает потребности в изучении финского языка. Результаты исследования показали, к примеру, что характер и особенности работы сферы информационных технологий не способствовали овладению финским языком и его использованию. В связи с этим потребности в финском языке зависят во многом от профессиональных и личных предпочтений иммигранта. Ниже-приведённые примеры показывают различия в выборе языковых ресурсов, используемых участниками исследования:

Я очень чётко себя осознавала, что если я хочу иметь хорошую работу, мне нужно владеть хорошо финским языком. (Мария 2012)

Финский язык тебе нужен для того, чтобы [--] стать своим, играть на их же поле. [--] и потом в других сферах жизни, не только в профессиональной деятельности, это очень важно. Мне ка-

жется, очень трудно [--] получить всю ту необходимую информацию [--] о всяких пособиях, каких-то сервисах [--]. Да, там люди говорят по-английски, но это существенно другой, на мой взгляд, уровень информированности, [--] когда ты приходишь и говоришь по-фински. (Алексей 2012)

Наши люди говорят, что английский в Финляндии очень расслабляет, [--] мешает [--] освоению финского языка, потому что идёшь, знаешь, что даже в любом магазине, если кто-то моложе 40 лет, он обязательно пару слов знает. [--] это расслабляет [--] и как-то не ощущаешь большой надобности. (Вадим 2012)

Вместе с тем результаты исследования показали, что, чем чаще взрослые иммигранты использовали финский язык, тем положительнее становились их установки в отношении этого языка и говорящих на нём, прочнее аффективные связи и степень идентификации с языком. Также следует отметить, что участие в социальной практике финского общества у многих иммигрировавших во взрослом возрасте часто являлось весьма ограниченным. Вместе с тем они не всегда имели возможности использовать и развивать изучаемый язык на рабочем месте или в свободное время. Опыт участников исследования показал, что овладение языком является не только когнитивным процессом, но и становлением частью нового языкового сообщества:

Я до этого [до работы в фирме, где рабочим языком являлся финский] с финнами так много не общалась, [--] я очень сильно относилась к ним как к посторонним людям, а вот там уже я [--] стала к ним как людям относится. То есть у меня там появились друзья, финны [--] среди рабочего коллектива. (Мария 2012)

Финских друзей [--] у меня нет, за десять лет [--] у меня не было [--] возможности или, я не знаю, необходимости. (Николай 2012)

Русских тут много, и на родном можно поговорить с кем-то, с финнами практически не общаемся особо, ну, мой круг, по крайней мере. На работе английский получается. (Вадим 2012)

Приведённые примеры показывают, что финский язык становится для иммигрантов ключом к новому обществу: без него связь с этим обществом и живущими в нем людьми остается весьма тонкой.

4. Заключение

В данной статье были рассмотрены особенности многоязычия русскоязычных иммигрантов Финляндии. Используемый нами подход, основанный на возрастных особенностях, дал возможность с большей объективностью рассмотреть языковую ситуацию представителей различных поколений иммиграции. Русскоязычные иммигранты, принявшие участие в данном исследовании, представляют собой гетерогенное, полифоничное, многоязычное языковое сообщество. В их повседневной жизни использование различных языков и многоязычных ресурсов

является обычным явлением. Вместе с тем, результаты исследования показали явные различия в опыте и взглядах поколений относительно различных языков. Отличия проявлялись, в частности, в степени употребления языков, в уровне владения ими, а также в том, какое значение эти языки играли в жизни иммигрантов. Русский язык использовался всеми, в первую очередь, в неформальном контексте: в кругу семьи и в общении с русскоязычными соотечественниками. Финский (английский) язык, в свою очередь, являлся важным фактором социальной мобильности, доминировал в формальном контексте: обучении, на рабочем месте, при решении практических вопросов. Вместе с тем, границы между различными языками не являлись жёсткими: финский (английский) язык мог дополнять русский в неформальном общении, со своей стороны, русский – финский (английский) в официальном контексте.

Результаты исследования указывают также на комплексный, многообразный, меняющийся, зависящий от различных ситуаций и контекстов характер многоязычия русскоязычных иммигрантов. Отношение индивида к тому или иному языку, понимание его важности в повседневной и профессиональной жизни может меняться. Одни языковые ресурсы воспринимаются как более важные и нужные, другие остаются невостребованными, третьи – незамеченными. Нередко иммигрант «ведёт переговоры» как с самим собой, так и с принимающим обществом о необходимости владения языком этого общества.

Многоязычие русскоязычных иммигрантов можно охарактеризовать, с одной стороны, как ситуационное (вычитающее) (ср. Skutnabb-Kangas 1988; Baker 2006), так как, к примеру, овладение вторым (финским) языком поколения 1,75 происходило главным образом за счёт уменьшения использования первого языка и сопровождалось как остановкой в его развитии, так и постепенной утратой. С другой стороны, об их многоязычии можно говорить как о параллельном одноязычии (ср. Heller 2006), при котором сферы употребления строго распределены между различными языками (поколение 1, 25 и 1,75). Вместе с тем, это также активное и функциональное многоязычие, и различные языки используются иммигрантами в соответствии с требованиями окружающей среды и собственными потребностями. Эти языки дополняют друг друга, расширяя тем самым их возможности взаимодействия в финском обществе (поколение 1; 1,25; 1,5).

Следует также отметить, что многоязычие как ресурс не является само собой разумеющимся делом. Несмотря на то, что в последнее время представления о «совершенном» владении языком постепенно изживают себя, иммигрировавшие в подростковом, а также младшем школьном возрасте не всегда понимали и ценили преимущества от своего дву- и многоязычия. Они были обеспокоены изменениями, произошедшими в их русском языке за время иммиграции, и стремились говорить на «хорошем» русском языке. Это можно считать примером господствующих в обществе языковых идеологий, согласно которым официальный

язык или стандартная форма языка часто воспринимаются как имеющие бóльшую моральную, эстетическую и/или интеллектуальную ценность (ср. Blommaert 1999; Blackledge & Creese 2010). Для молодых иммигрантов данного исследования таким стандартом или критерием оценки своих умений являлся русский язык, на котором говорят их сверстники, живущие в России. Отклонение от стандарта, в свою очередь, нередко приводит к тому, что многоязычие воспринимается ими не как ресурс, а как проблема.

Наряду с вышесказанным результаты исследования также показывают, что имеются основания обращать большее внимание на развитие многоязычия в современной языковой политике в области образования с тем, чтобы в частности сохранение родного языка не оставлялось на ответственность только семьи иммигранта.

Литература

- Alitolppa-Niitamo, Anne. 2004. *The Icebreakers. Somali-speaking Youth in Metropolitan Helsinki with a Focus on the Context of Formal Education*. Väestötutkimuslaitos D 42. Helsinki: Väestöliitto.
- Arnberg, Lenore. 1989. *Tavoitteena kaksikielisyys*. Jyväskylä: Gummerus.
- Baschmakoff, Natalia & Leinonen, Marja. 2001. *Russian life in Finland 1717-1939: A local and oral history*. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies.
- Blackledge, Adrian & Creese, Angela. 2010. *Multilingualism. A Critical Perspective*. London: Continuum.
- Blommaert, Jan. 1999. The Debate is Open. An Overview. In: J. Blommaert (ed.), *Language Ideological Debates*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2-38.
- . 2007. "Sociolinguistics scales". *Intercultural Pragmatics*, 4 (1), 1-19.
- Crul, Maurice. 2007. The integration of immigrant youth. An Overview. In: M.M. Suárez-Orozco (ed.), *Learning in the Global Era: International Perspectives on Globalization and Education*. Berkeley: University of California Press, 213-231.
- Davydova, Olga. 2009. *Suomalaisena, venäläisenä ja kolmantena. Etnisyysdiskursseja transnationaalissa tilassa*. Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja 57.
- Dufva, Hannele & Pietikäinen, Sari. 2009. "Moni-ilmeinen monikielisyys". *Puhe ja kieli*, 29 (1), 1-14.
- EK 2010 = *Työelämässä tarvitaan yhä useampia kieliä. Elinkeinoelämän keskusliiton henkilöstö- ja koulutustiedustelu 2009*.
http://www.ek.fi/ek/fi/yrityskyselyt/liitteet/Tyoelamassa_tarvitaan_yha_useampia_kielia.pdf [retrieved 18.09.2010].
- Heller, Monica. 2006. *Linguistic Minorities and Modernity: A Sociolinguistic Ethnography*. (2nd Edition.). London: Continuum.
- Horn, Frank. 1997. Suomen venäläiset. An Overview. In: J. Pentikäinen & M. Hiltunen (eds.), *Suomen kulttuurivähemmistöt*. Helsinki: Suomen Unesco-toimikunnan julkaisuja 72, 202-218.

- Iskanius, Sanna. 2006. *Venäjänkielisten maahanmuuttajaopiskelijoiden kieli-identiteetti*. Jyväskylän yliopisto. Jyväskylä Studies in Humanities 51.
- Jaakkola, Magdalena. 2005. *Suomalaisten suhtautuminen maahanmuuttajiin vuosina 1987-2003*. Helsinki: Työministeriö. Työpoliittinen tutkimus 286.
- . 2009. *Maahanmuuttajat suomalaisten näkökulmasta. Aseennemuutokset 1987-2007*. Helsingin kaupungin tietokeskuksen tutkimuksia 2009:1.
- Jaakkola, Magdalena & Reuter, A. 2007. Maahanmuuttajanaiset entisen Neuvostoliiton alueelta. Resurssit ja sijoittuminen työmarkkinoille. An Overview. In: T. Martikainen, M. Tiilikainen (eds.), *Maahanmuuttajanaiset: kotoutuminen, perhe ja työ*. Helsinki: Väestöliitto. Väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja D46/2007, 335–358.
- Jasinskaja-Lahti, Inga. 2000. *Psychological Acculturation and Adaptation among Russian-speaking Immigrant Adolescents in Finland*. University of Helsinki. Social psychological studies 2.
- . 2008. “Long-term immigrant adaptation: Eight-year follow-up study among immigrants from Russia and Estonia living in Finland”. *International Journal of Psychology* 43 (1), 6–18.
- Keskisalo, Anne-Mari. 2001. ”Puhu homo suomee!” Suomalais- ja maahanmuuttajanuoret kansainvälisessä luokassa. An Overview. In: V. Puuronen (ed.), *Valkoisen vallan lähettiläät*. Tampere: Vastapaino, 173–207.
- . 2003. Suomalais- ja maahanmuuttajanuorten vuorovaikutusta joensuulaisen koulun arjessa. An Overview. In: P. Harinen (ed.), *Etnisyys, kulttuuri ja kansalaisuus nuorten arjessa*. Helsinki: Nuorisotutkimusverkosto. Nuorisotutkimusseuran julkaisuja 38, 122–157.
- Latomaa, Sirkku. 2007. Kotikielestä äidinkielen ja kaksikielisyyteen. An Overview. In: S. Latomaa (ed.), *Oma kieli kullaan kallis. Opas oman äidinkielen opetukseen*. Helsinki: Opetushallitus, 36–40.
- Liebkind, Karmela et al. 2004. = Mannila, Simo, Jasinskaja-Lahti, Inga, Jaakkola, Magdalena, Kyntäjä, Eve, Reuter, Anni. *Venäläinen, virolainen, suomalainen. Kolmen maahanmuuttajaryhmän kotoutuminen Suomeen*. Helsinki: Gaudeamus.
- Lähteenmäki, Mika & Vanhala-Aniszewski, Marjatta 2010. Introduction. An Overview. In: M. Lähteenmäki & M. Vanhala-Aniszewski (eds.), *Language ideologies in transition: Multilingualism in Finland and Russia*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 9–14.
- Mammon, Reet. 2010. *Kolmen etnisen ryhmän kotoutumisprosessi Suomessa*. Jyväskylä Studies in Education, Psychology and Social Research 403.
- Mustajoki, Arto. 2007. *Yliopistojen Venäjä-yhteistyön ja Venäjä-osaamisen kehittäminen*. Opetusministeriön työryhmämuistioita ja selvityksiä 2007:11.
- Paananen, Seppo. 2005. Maahanmuuttajien integrointi: vaikea ja ristiriitainen hanke. An Overview. In: S. Paananen (ed.), *Maahanmuuttajien elämää Suomessa*. Helsinki: Statistics Finland, 173–180.
- Pavlenko, Aneta. 2002. Poststructuralist Approaches to the Study of Social Factors in Second Language Learning and Use. An Overview. In: V.J. Cook (ed.), *Portraits of the L2 User*. Clevedon: Multilingual Matters, 277–302.
- Pentikäinen, Juha & Hiltunen, Marja (eds.). 1997. *Suomen kulttuurivähemmistöt*. Helsinki: Suomen Unesco-toimikunnan julkaisuja 72.

- Perhoniemi, Riku & Jasinskaja-Lahti, Inga. 2006. *Maahanmuuttajien kotoutuminen pääkaupunkiseudulla. Seurantatutkimus vuosilta 1997-2004*. Helsingin kaupungin tietokeskus.
- Pitkänen, Pirkko. 2007. ”Retorisesta moniarvoisuudesta etnistä tasa-arvoa edistävään viranomaistyöhön”. *Yhteiskuntapolitiikka* 72:3, 309-320.
- Pohjanpää, Kirsti, Paananen, Seppo & Nieminen, Mauri. 2003. *Maahanmuuttajien elinolot. Venäläisten, virolaisten, somalialaisten ja vietnamilaisten elämää Suomessa 2002*. Elinolot 2003:1. Helsinki: Tilastokeskus.
- Protassova, Jekaterina. 2008. “Teaching Russian as a Heritage Language in Finland”. *Heritage Language Journal* 6 (1), 127–152.
- Reuter, Anni & Jaakkola, Magdalena. 2005. Venäjänkielisten, vironkielisten ja kaksikielisten maahanmuuttajien sosiaaliset verkostot. An Overview. In: S. Paananen (ed.), *Maahanmuuttajien elämä Suomessa*. Helsinki: Tilastokeskus, 23–41.
- Rumbaut, Ruben. 2007. Ages, Life Stages, and Generational Cohorts: Decomposing the Immigrant First and Second Generation in the United States. An Overview. In: A. Portes & J. DeWind (eds.), *Rethinking Migration: New Theoretical and Empirical Perspectives*. Oxford: Berghahn Books, 342–387.
- Rynkänen, Tatjana. 2008. *Obučenie v finskoj škole i process integracii ruskojazyčnyh učačšijsja-immigrantov – točka zrenija roditelej*. Jyväskylä: University of Jyväskylä, Centre for Applied Language Studies. Licentiate Thesis on Applied Linguistics.
- . 2011. *Ruskojazyčnye molodye immigranty v Finljandii – integracija v kontekste obučeniija i ovladenija jazykom*. University of Jyväskylä. Jyväskylä Studies in Humanities 168.
- Rynkänen, Tatjana & Pöyhönen, Sari. 2010. Russian-speaking young immigrants in Finland: Educational and linguistic challenges to integration. An Overview. In: M. Lähteenmäki & M. Vanhala-Aniszewski (eds.), *Language Ideologies in Transition: Multilingualism in Finland and Russia*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 175–194.
- Shenshin, Veronika. 2008. *Venäläiset ja venäläinen kulttuuri Suomessa. Kulttuurihistoriallinen katsaus Suomen venäläisväestön vaiheista autonomian ajoilta nykypäiviin*. Helsingin yliopisto: Aleksanteri-instituutti.
- Skutnabb-Kangas, Tove. 1980. Kaksikielisyys. An Overview. In: K. Sajavaara (ed.), *Soveltava kielitiede*. Helsinki: Gaudeamus, 136-157.
- Suárez-Orozco, Carola & Suárez-Orozco, Marcelo M. 2001. *Children of Immigration*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Tanttu, Jekaterina. 2009. *Selvitys vähemmistövaltuutetulle. Venäjänkielisenä Suomessa 2008*. Helsinki: Vähemmistövaltuutettu.
[http://www.polamk.fi/intermin/vvt/home.nsf/files/ven%C3%A4l%C3%A4istutkimus_netiversio/\\$file/ven%C3%A4l%C3%A4istutkimus_netiversio.pdf](http://www.polamk.fi/intermin/vvt/home.nsf/files/ven%C3%A4l%C3%A4istutkimus_netiversio/$file/ven%C3%A4l%C3%A4istutkimus_netiversio.pdf)
- Tilastokeskus. 2013. Tilastokeskuksen PX-Web-tietokannat. Väestö, väestörakenne. Helsinki: Tilastokeskus. <http://pxweb2.stat.fi>
- VN 2009 = *Venäjä-toimintaohjelma 2009*. Valtioneuvoston periaatepäätös 16.04.2009.
- VTS 2010 = *Venäjänkielisten työllistyminen ja syrjintä 2010*. Helsinki: Vähemmistövaltuutettu.